

Copyright © 2017 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
2017, 8(3): 107-113

DOI: 10.13187/er.2017.3.107
www.erjournal.ru

Articles and Statements

UDC [94\(574\).02./08](#)

The Pauperization of Kazakh Peasantry of 20s-30s in the 20th century (on the Materials of Central Kazakhstan)

Bakhytgul K. Alzhapparova ^{a, *}

^a Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article recreates the socio-economic situation, in which the Kazakh peasants turned out to be due to the policy of settling and collectivization. The author in the article, using archive documents, presents concrete evidences of negative effects of the policy of collectivization and settling in Central Kazakhstan in the late 1920s and early 1930s. The article examines marginalization and pauperization of the Kazakh peasants, factors of migration of Kazakhs in the city and in the areas of industrial buildings, the position of the former nomads in the structure of cities. The author examines the contemporary historiography of the question.

Keywords: sedentarisation, collectivization, pauperization, marginalization, carting, migration, nomadism, region, regional history.

1. Введение

Политика сталинского режима, проводившаяся в Центральном Казахстане на рубеже 1920-х-начале 1930-х гг. и направленная на форсированную коллективизацию и оседание, привела к катастрофическим последствиям: пауперизации казахского народа, росту откочевков, снижению численности населения. Социально-демографические последствия политики коллективизации и оседания до сих пор не поддаются точному статистическому измерению.

Актуальность данной тематики определяется не только масштабностью казахстанской трагедии начала 1930-х гг., но и оживлением интереса к региональным исследованиям, что можно объяснить деидеологизацией исторической науки и влиянием тенденций, имеющих место в мировой исторической науке. Региональный подход к исследованию такого рода вопросов позволяет успешно избежать таких крайностей, как чрезмерное обобщение материала, схематически – стереотипное отражение исторических явлений.

* Corresponding author

E-mail addresses: alzhapparova1997@mail.ru (B.K. Alzhapparova)

2. Историография вопроса

Историография этой темы нашла отражение в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Например, в советский период политика оседания и коллективизации, проводившаяся в Казахстане в конце 1920-х-начале 1930-х гг., привлекала внимание выдающихся отечественных ученых. В частности, в работах А.Б. Турсунбаева, К.Н.Нурпеисова, Г.Ф. Дахшлейгера рассматривается история аграрных преобразований в Казахстане (Турсунбаев, 1971; Дахшлейгер, 1975; Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985). Несмотря на то, что эти исследования не были свободны от идеологических установок своего времени, они не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день как изыскания, имеющие обширную источниковую базу.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, в связи изменением политической ситуации в стране, интенсифицируется исследовательский порыв многих историков, усиливается интерес к изучению “белых пятен”, вследствие этого происходит концептуальное переосмысление истории коллективизации и оседания. В частности, оживляется интерес казахстанских историков к изучению традиционной структуры Казахстана (Абылхожин, 1991).

В свете изучения данной проблематики весьма показательны исследования западных учёных. Следует отметить, что зарубежная историография коллективизации в СССР представлена исследованиями ряда ученых. Среди них самыми крупными являются исследования Андреа Грациози, Роберта Дэвиса, Стивена Уиткрофта, Шейлы Фицпатрик, Линн Виола (Грациози, 2001; Виола, 2010; Уиткрофт, Дэвис, 2011; Фицпатрик, 2008). Несмотря на то, что эти ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных концептуальных подходов, их объединяет репрезентативная источниковая база, фундаментальность и основательность освещения этого вопроса.

Итак, эта историческая проблематика знаменательна замечательными достижениями отечественных и зарубежных ученых. Вместе с тем, историографический обзор выявляет недостаточную степень разработанности этой проблемы в региональном разрезе (Центральный Казахстан). В частности, недостаточно изучены процессы разрушения традиционного хозяйства казахов в 20 – 30-е годы XX века, процессы пауперизации казахских хозяйств в конце 1920-х – начале 1930-х годов, что определяет цель и задачи данной статьи.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составил разнообразный круг источников. Значительная часть источников была выявлена в результате изучения архивных фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Архива Президента Республики Казахстан. В ЦГА РК были изучены Ф. № 44 (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции), Ф. № 1179 (Комитет по оседанию и хозяйственному устройству откочевников при Совете Народных комиссаров Казахской АССР), Ф. № 82 (Народный комиссариат здравоохранения Казахской АССР).

В АПРК были изучены Ф. № 141 (Казахский краевой комитет ВКП (б) и Ф. № 719. (Казахская краевая контрольная комиссия ВКП (б) – Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции). Наибольшую ценность для нашего исследования представляют докладные записки о положении районов, спецсообщения о положении откочевников в районах.

3. Обсуждение

Административно-силовые методы реализации политики оседания в Центральном Казахстане привели к тяжелым последствиям: пауперизации казахского народа и росту откочевков. В этой ситуации бывшие жители аулов стали пополнять маргинальные слои городов. В этой связи кажется уместным провести экскурс в социологию.

Понятия «маргинальность» и «маргиналы» были введены в науку американским социологом Р. Парком в 1928 г. и использовались сначала для обозначения конкретной культурной ситуации при характеристике “личности на рубеже культур (Красильников, 1998). По Р. Парку, человек этих новых культур существует в двух мирах одновременно. Главным признаком маргинальности служит разрыв социальных, культурных, поселенческих связей с прежней средой. Постепенно значение термина “маргинальность” стало расширяться и ныне

оно служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к любым социальным общностям. Таким образом, как утверждают исследователи, под маргинализацией понимаются некие пограничные или переходные состояния, порождающие разрыв социальных связей. Классический тип маргинала – вчерашний крестьянин в городе – уже не крестьянин и еще не рабочий (Скотт, 1992).

Маргинализация сельского населения происходила в конце 1920-х годов – в период, предшествовавший массовому голоду. Это можно проиллюстрировать на примере города Каркаралинска, население которого в январе 1927 года насчитывало 5 тыс. 479 человек, а в январе 1930 года – 6 тыс. 878 человек. Одним из основных миграционных потоков являлось коренное население. Так, если на 1 января 1927 года численность казахов в Каркаралинске составляла 4 тыс. 36 человек, то уже на 1 января 1930 года – 5 тыс. 394 человека (АПРК. Ф.141. Оп.1. Д.6397). В начале 1930-х годов эти процессы обрели ещё больший масштаб и выразились в откочёвках.

Упадок сельского хозяйства, катастрофическое снижение жизненного уровня колхозников, нарастающий голод оказали влияние на миграционные процессы, приводили к переселению населения из аулов и сёл в города и в районы промышленныхстроек, где они пополняли ряды пауперов и малооплачиваемых рабочих. Вопрос пауперизации сельского населения СССР в годы коллективизации нашел широкое освещение в научной литературе. Как утверждают отечественные историки, «паупер – это индивид, дезинтегрированный относительно системы производственных отношений, потому испытывающий разъединяющее личное чувство изоляции и острого дефицита нормальных социальных взаимоотношений» (Абылхожин, 2007).

Масанов Н.Э. приводит в монографии определение исследователя Левковского А.Ш. «Пауперы – это люди, фактически вытесненные из старой хозяйственной деятельности, обеспечивавшей им средства к существованию. В целом они нищенствуют, живут в тяжелейших жилищных условиях, терпят всевозможные лишения, переживают острые социальные и психологические драмы» (Масанов, 1995).

По материалам Ш. Фицпатрик, в СССР за период 1928–1932 гг. из деревни в город переселилось в общей сложности около 12 млн чел; на каждые 30 человек, ставших колхозниками в 1929–1932 гг., 10 – оставляли крестьянский труд и становились наемными рабочими. Одни крестьяне, по данным Ш. Фицпатрик, «насилно выслались из своих сел в связи с раскулачиванием, и почти половина из них в конце концов стали рабочими на предприятиях. Другие бежали сами из страха перед раскулачиванием или ненависти к колхозам. Третьи уезжали потому, что в результате промышленного роста в годы первой пятилетки в городах создавались новые рабочие места» (Фицпатрик, 2008).

Откочевки, миграцию крестьян в города этого периода следует интерпретировать и как форму протеста против политики коллективизации. В этой связи кажется уместным привести точку зрения европейского историка Л. Виола, утверждавшей, что повседневные формы протеста являлись ключевой составляющей культуры крестьянского сопротивления и представляли собой «достаточно прозаичную, но постоянную борьбу между крестьянами и теми, кто хочет поживиться за их счет, эксплуатируя крестьянский труд, присваивая произведенные ими продукты питания, взимая налоги, ренту и проценты» (Виола, 2010).

Положение бывших кочевников, пополнявших ряды малооплачиваемых рабочих, было сопоставимо с положением пауперов. Убедительным примером является положение рабочих и служащих Казжелдостроя – промышленного предприятия, проводившего строительство железных дорог. В этом промышленном предприятии особенно тяжелые социально-бытовые условия были характерны для участка Караганда – Акмолинск, где 500 рабочих, среди которых были и бывшие жители аулов, проживали в грязных бараках и вагонах, «в каждом вагоне по 10 семей». Антисанитария, отсутствие элементарных условий проживания неизбежно вызывали эпидемии различных инфекционных заболеваний (ЦГА РК. Ф.44. Оп.12. Д.360).

Убедительным примером является также Карсакпайский медеплавильный завод, строительство которого началось еще в досоветское время. Ускорение строительства Карсакпайского медеплавильного завода произошло во второй половине 1920-х гг. в связи с

политикой индустриализации, проводившейся в этот период. В 1928 г. на Карсакпае была получена первая черновая медь.

«Карсакпай – это магнит, который притягивает к себе окружающее батрацко-бедняцкое население» – писал в своей докладной записке ответственный секретарь Сырдарьинского губернского комитета ВКП(б) Фомин (ЦГА РК. Ф.44. Оп.13. Д.330). По архивным документам, в октябре 1925 года в Карсакпайском медеплавильном заводе работало 316 казахов, в 1929 году – более 3 тыс. представителей коренной национальности. Данная цифровая динамика свидетельствует об обнищании казахского населения и его вовлеченности в политику индустриализации. Необходимо также констатировать факт, что на Карсакпае в этот период – в конце 1920-х-начале 1930-х гг. – казахи работали только чернорабочими (АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.1889).

В Карсакпайском медеплавильном заводе, где более 70 % из общего числа рабочих составляли бывшие кочевники, условия проживания не соответствовали жилищным нормам и стандартам. Рабочие жили в тесных бараках, в антисанитарных жилищно-бытовых условиях, что приводило к эпидемии брюшного тифа. Медицинское обслуживание населения было весьма неэффективным вследствие мизерного количества медицинского персонала и отсутствия специального здания для больницы. Поэтому рабочие во время эпидемии брюшного тифа вынуждены были оставаться в переполненных бараках, что еще более ухудшало ситуацию (АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.1889).

Документы свидетельствуют, что на Карсакпайском медеплавильном заводе не соблюдалась элементарная техника безопасности, что влекло за собой высокий уровень травматизма и несчастных случаев. Так, только в 1932 году в Карсакпайском комбинате произошло 712 несчастных случаев. Таким образом, условия труда и быта рабочих – казахов из числа бывших откочевников были очень тяжелыми, их жилье не отвечало даже минимальным требованиям санитарии, хотя согласно договору с Народным комиссариатом труда, откочевники должны были обеспечиваться жильем, отвечающим необходимым санитарным правилам (АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.1889).

Необходимо также констатировать весьма равнодушное отношение руководителей промышленных предприятий к судьбе откочевников. Например, в Кармакчинском районе в течение нескольких месяцев влачили жалкое существование 190 уроженцев Карсакпайского района, которых не принимали на работу руководители предприятий, мотивируя свой отказ отговоркой, что они «не из их района». Карсакпайцы не могли также добраться до своих родных мест из-за дальности расстояния (500–600 км.) и только вмешательство представителей Народного Комисариата рабоче-крестьянской инспекции заставило «устроить» их на сезонную работу в колхозах и рыболовных артелях Кармакчинского района (АП РК. Ф.719. Оп.5. Д.192).

В Центральном Казахстане бывшие кочевники пополняли также ряды рабочих Прибалхашстроя, воздвигавшего Балхашский медеплавильный комбинат. В 1932 году, согласно решению Совнаркома, на берегу озера Балхаш было начато строительство медеплавильного комбината. К началу строительного сезона, на строительную площадку Бертыс, из пограничных районов, в частности, из Коунрадского района, переселилось немало жителей аулов. Однако на работу принимали лишь незначительное количество откочевников, а остальные, как отмечают архивные документы, «перебивались случайными заработками». Продуктовые пайки выдавались только рабочим, представители их семей продуктами не обеспечивались, что стало одной из причин голода и смертности (ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.1143).

Строительство медеплавильного комбината было начато руководством Прибалхашстроя при отсутствии элементарных бытовых условий, например, питьевой воды и жилья. Отсутствие качественной питьевой воды также не могло не повлиять на заболеваемость среди рабочих. Так, по архивным документам, за первое полугодие 1932 года на Прибалхашстрое было зафиксировано 41 тыс. 867 заболеваний. В частности, цингой заболело 153 человека, гриппом – 82, сыпным тифом – 47 и т.д. Как следует из архивных сводок, «на строительной площадке Бертыс в среднем в сутки умирает от 5 до 15 человек». Из 140 рабочих, завербованных из Коунрадского района, погибло 84 человека. В архивных документах также утверждается, что в 1932 году на строительной площадке Бертыс погибло свыше 4 тыс. человек. Как отмечают документы, «жилищно-бытовые условия рабочих и

инженерно-технического персонала крайне тяжелые. Жилья совершенно нет, рабочие размещены в бараках, землянках, юртах, просто под открытым небом, живут скученно, без бани – отсюда эпидемические заболевания» (ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.1143).

Об этом пишет в своих воспоминаниях и Д.А. Кунаев. В книге «О моем времени» он пишет о тяжелых жилищно-бытовых условиях, в которых были вынуждены жить бывшие кочевники: «В то время в Балхаше и Коунраде люди ютились в юртах, землянках, бараках. Скученность невероятная. В одной юрте жило по три семьи. ... Острый дефицит жилья, одежды, питания- все эти трудности были связаны с тем, что стройка была удалена от ближайших городов и населенных пунктов на сотни километров. Но, тем не менее, на стройку особенно много приезжало казахов из аулов. Тяжелые условия жизни, созданные насильственной коллективизацией, заставили их, доведенных до отчаяния, искать возможность как-то выжить. Они знали, что на стройке, хоть нерегулярно, прибывающим давали хлеб и жилье» (Кунаев, 1992). Д.А. Кунаев отмечает и нелегкие природно-климатические условия этого региона, усугубившие положение рабочих и затруднившие строительство промышленного комбината. Это резко континентальный климат, постоянные шквальные ветры, летняя жара достигала 40-45 градусов, зимние морозы – до 45 градусов.

4. Заключение

Таким образом, политика оседания и коллективизации, осуществлявшаяся в Центральном Казахстане, привела к тяжелым последствиям: маргинализации, пауперизации населения, переселению жителей аулов и деревень в города, в районы промышленных строек. В этой связи кажется уместным привести высказывание исследователя Пая, которое содержится в книге С.В. Лурье. Пай утверждал, что процессы модернизации оказываются бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы и что в некоторых случаях вынужденная и насильственная модернизация вместо того, чтобы приводить к общественному прогрессу, «может вызвать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций». (Лурье, 1997).

Литература

Абылхожин, 1991 – *Абылхожин Ж.Б.* Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930 гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 240 с.

Абылхожин, 2007 – *Абылхожин Ж.Б.* Мифовоспринимающее сознание и его суггесторы // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 11-51.

Виола, 2010 – *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Роспэн, 2010. 368 с.

Грациози, 2001 – *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., Роспэн, 2001.

Дахшлейгер, 1965 – *Дахшлейгер Г.Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929гг.). Алма-Ата: Наука. 1965. 536 с.

Дахшлейгер, 1985 – *Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н.* История крестьянства Советского Казахстана. Алматы: Наука, 1985. Т.1. 247 с.

Красильников, 1998 – *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, НГУ. 1998.

Кунаев, 1992 – *Кунаев Д.А.* О моем времени. Алма-Ата: Дәуір, 1992. 312 с.

Лурье, 1997 – *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997. 446 с.

Масанов, 1995 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (Основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: «Социнвест». Москва: «Горизонт», 1995. 320 с.

Скотт, 1992 – *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 202-210.

Турсунбаев, 1971 – Турсунбаев А.Б. Дорогой борьбы и свершений. Из истории казахского аула. Алма-Ата: Казахстан, 1971.

Уиткрофт, Дэвис, 2011 – Уиткрофт С., Дэвис Р. Годы голода: сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М.: Росспэн, 2011.

Фицпатрик, 2008 – Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. Пер. с англ. М.: Росспэн, 2008. 196 с.

ЦГА РК. Ф.44. Оп.12. Д.360 – ЦГА РК. Ф.44. Оп.12. Д.360.

ЦГА РК. Ф.44. Оп.13. Д.330 – ЦГА РК. Ф.44. Оп.13. Д.330.

АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.1889 – АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.1889.

АП РК. Ф.719. Оп.5. Д.192 – АП РК. Ф.719. Оп.5. Д.192.

ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.1143 – ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.1143.

References

Abylkhozhin, 1991 – *Abylkhozhin Zh.B.* (1991). Traditsionnaya struktura Kazakhstana. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya i transformatsii (1920-1930 gg.) [Traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920-1930)]. Alma-Ata: Fylym, 240 s.

Abylkhozhin, 2007 – *Abylkhozhin Zh.B.* (2007). Mifovosprinimayushchee soznanie i ego suggestory [Mytho-perceiving consciousness and its suggestors]. Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V. Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana. Almaty: Daik-Press, S. 11-51.

Dakhshleiger, 1965 – *Dakhshleiger G.F.* (1965). Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana (1921-1929 gg.) [The socio-economic transformations in aul and village of Kazakhstan (1921-1929)]. Alma-Ata: Nauka. 536 s.

Dakhshleiger, 1985 – *Dakhshleiger G.F., Nurpeisov K.N.* (1985). Istoriya krest'yanstva Sovetskogo Kazakhstana [The history of the peasantry of Soviet Kazakhstan]. Almaty: Nauka, T.1. 247 s.

Fitspatrik, 2008 – *Fitspatrik Sh.* (2008). Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gg.: derevnya [The social history of Soviet Russia in the 1930s: a village]. Per. s angl. M.: Rosspen, 196 s.

Gratsiozi, 2001 – *Gratsiozi A.* (2001). Velikaya krest'yanskaya voyna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933 [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917-1933]. M., Rosspen.

Krasil'nikov, 1998 – *Krasil'nikov S.A.* (1998). Na izlomakh sotsial'noi struktury: Marginaly v poslerevolyutsionnom rossiiskom obshchestve (1917 – konets 1930-kh gg.) [On the slopes of the social structure: Marginals in the post-revolutionary Russian society (1917 – late 1930's)]. Novosibirsk, NGU.

Kunaev, 1992 – *Kunaev D.A.* (1992). O moem vremeni [About my time]. Alma-Ata: Dəuir, 312 s.

Lur'e, 1997 – *Lur'e S.V.* (1997). Istoricheskaya etnologiya [The historical ethnology]. M.: Aspekt-Press, 446 s.

Masanov, 1995 – *Masanov N.E.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov (Osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva) [Nomadic civilization of Kazakhs (fundamentals of vital activity of a nomadic society)]. Almaty: «Sotsinvest». Moskva: «Gorizont», 320 s.

Skott, 1992 – *Skott Dzh.* (1992). Moral'naya ekonomika krest'yanstva kak etika vyzhivaniya. Velikii neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire [Moral Economics of the Peasantry as the Ethics of Survival. The Great Stranger. Peasants and farmers in the modern world]. Per. s angl. M.: Progress-Akademiya, S. 202-210.

Tursunbaev, 1971 – *Tursunbaev A.B.* (1971). Dorogoi bor'by i svershenii. Iz istorii kazakhskogo aula [The road of struggle and achievements. From the history of the Kazakh aul]. Alma-Ata: Kazakhstan.

Uitkroft, Devis, 2011 – *Uitkroft S., Devis R.* (2011). Gody goloda: sel'skoe khozyaistvo SSSR. 1931–1933 [The years of hunger: agriculture of the USSR. 1931-1933]. M.: Rosspen.

Viola, 2010 – Viola L. (2010). Krest'yanskii bunt v epokhu Stalina. Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya [The peasant revolt in the Stalin era. Collectivization and culture of peasant resistance]. M.: Rosspen, 368 s.

TsGA RK. F.44. Op.12. D.360 – TsGA RK. F.44. Op.12. D.360.

TsGA RK. F.44. Op.13. D.330 – TsGA RK. F.44. Op.13. D.330.

AP RK. F.141. Op.1. D.1889 – AP RK. F.141. Op.1. D.1889.

AP RK. F.719. Op.5. D.192 – AP RK. F.719. Op.5. D.192.

TsGA RK. F.82. Op.1. D.1143 – TsGA RK. F.82. Op.1. D.1143.

УДК 94(574).02./08

Пауперизация казахского крестьянства в конце 1920-х-начале 1930-х (на материалах Центрального Казахстана)

Бахытгуль Кабдульмаликовна Альжаппарова ^{a, *}

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Аннотация. В этой статье реконструируется социально-экономическая ситуация, в которой оказалось казахское крестьянство в результате проведения политики оседания и коллективизации в конце 1920-х-начале 1930-х гг. Исследователь, применяя документы архивов, приводит в статье конкретные факты, свидетельствующие о катастрофических последствиях этой политики в Центральном Казахстане. В статье исследуется маргинализация и пауперизация казахского крестьянства, факторы миграции казахов в города и в районы промышленных строек, положение бывших кочевников в структуре городов.

Ключевые слова: оседание, коллективизация, пауперизация, маргинализация, откочевки, миграции, кочевничество, регион, региональная история.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: alzhapparova1997@mail.ru (Б.К. Альжаппарова)